

Алексей ЛЕОНОВ

ВРЕМЯ ПЕРВЫХ

СУДЬБА МОЯ — Я САМ...

Современные биографии

Алексей Леонов

**Время первых.
Судьба моя – я сам...**

«Издательство АСТ»

2017

УДК 82-312.6
ББК 68.49(2Рос)23

Леонов А. А.

Время первых. Судьба моя – я сам... / А. А. Леонов —
«Издательство АСТ», 2017 — (Современные биографии)

ISBN 978-5-17-103022-3

В этой книге космонавт Алексей Леонов раскрывает все тайны космонавтики, знаменитого противостояния СССР и США, о том, как впервые в истории человечества вышел в открытый космос. Это невероятно честные и искренние мемуары о тяжелой, но интересной работе, о становлении характера и о том, что в жизни каждого есть место подвигу. Великая эпоха и великие люди!

УДК 82-312.6
ББК 68.49(2Рос)23

ISBN 978-5-17-103022-3

© Леонов А. А., 2017
© Издательство АСТ, 2017

Содержание

Вступительное слово	6
Предисловие	8
Глава первая	10
Моя семья	10
Арест отца	11
Переезд в Кемерово	12
Возвращение отца	13
Война	15
В первый раз в первый класс	17
Художник или летчик	18
Переезд в Калининград	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Алексей Леонов
Время первых
Судьба моя – я сам...

Серия «Современные биографии»

© Леонов А., текст, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

Вступительное слово

В эту книгу вошла лишь часть интервью, бесед и рассказов, записанных мной со слов моего любимого папы, интересного человека, прекрасного собеседника и необычной личности – Алексея Леонова.

С огромным старанием я собирала эти записи, не носящие энциклопедического характера и не претендующие на высокую художественность, но отражающие достаточно яркие эпизоды его долгой и насыщенной интересными событиями жизни.

Эта работа – моя дань великому уважению и безмерной любви к моим родителям, Алексею и Светлане Леоновым, которые уже 57 лет живут в удивительно крепком союзе, основанном на полном взаимопонимании, трепетной любви и глубочайшем уважении друг к другу.

Уверена, что именно великая любовь к незаурядной женщине, преданность и верность ей помогли моему папе развить в себе все лучшее, что было заложено в его характере и стать таким целостным, успешным, уверенным в себе и абсолютно неординарным, – Героем эпохи и Настоящим Человеком!

Оксана Леонова

Предисловие

Судьба моя – я сам...

Первые слова, которые я сказал, шагнув в пустоту (я их не помню, но они записались): «А Земля-то круглая». Но вообще-то космос – это, конечно, гармония. Когда смотришь на фотографии сверхновых взрывов, «схлопывания» галактик, снятые телескопом «Хаббл», – вот это хаос, и это страшно. А я увидел, когда вышел в космос, полную цветовую гармонию. По цветам я четко разделил их на колеры Рокуэлла Кента и Рериха. Когда двигаешься с Солнца на ночь – это Кент, а в обратную сторону – Рерих. Музыка тоже звучала. На темной стороне Земли, где нет помех, я отчетливо слышал звук своего дыхания и как бьется мое сердце. Эти звуки выстраивались в какое-то музыкальное повествование. Сравнить его можно со звучанием терменвокса, электронными композициями Вячеслава Мещерина.

Сегодня освоение космического пространства идет довольно «вяло» по сравнению с тем всплеском разума и энтузиазма, который был в 60–70-е годы прошлого века. Порой кажется, что люди, сотворившие космическую эпоху, были к нам «засланы» откуда-то «сверху». Прежде всего это Сергей Павлович Королев, объединивший вокруг себя таких же истовых людей, которые напоминают мне иногда апостолов. Ишлинский, Рязанский, Кузнецов, Бармин... Какие ученые! Они работали в разных ведомствах, министерствах, но были единомышленниками в идее освоения космоса. Участвовали во всех серьезных «акциях» Королева. Сейчас это невозможно! Если нужно пригласить кого-то не из моей «фирмы», нужно написать сотни бумаг обоснований, для чего это мне нужно. Тогда вопрос так не стоял.

А как Сергей Павлович умел убеждать людей! Всего пять лет я имел возможность быть с ним рядом, видеть его, слышать выступления на совещаниях, когда решались наиважнейшие жизненные вопросы. Он умел брать решение серьезных вопросов на себя и отвечать за исход ситуации.

В памяти один эпизод: шло обсуждение прилунения космического аппарата, предполагали, что на Луне может быть до полуметра пыли. На жесткую или на мягкую посадку рассчитывать? Королев сказал уверенно: ставьте на жесткий грунт! Это позволило без промедлений приступить к разработке. Угадал? Нет, предвидел! Если бы век Сергея Павловича не был так короток – мы бы точно облетели Луну раньше американцев.

В космосе не без риска. И если минимизация рисков становится главной целью ученого, конструктора, чиновника, то и развития никакого не будет, будет топтание на месте. Очень жаль, что после ухода Королева мы как-то растерялись: не победили в себе боязнь этого риска, провала... В итоге потеряли приоритет в лунной программе.

Иногда меня спрашивают, вижу ли я космические сны? Мне очень долго снился «авиаторский» сон из тех времен, когда я был военным летчиком. Тогда, в начале 60-х годов, было острое, нервное противостояние с НАТО. И мне в разных ракурсах снилось: я иду на перехват вражеского самолета. Позже, уже в отряде, когда уже попал в отряд космонавтов видел другой сон, мне снился тревожный сон, что меня поднимают среди ночи и говорят: утром летишь на орбиту – спасать людей. А я не готов, не знаю даже программы полета. А мне отвечают: у тебя есть на это ночь. Ужас ответственности – ни с какими киношными ужастиками не сравнить!

Помню, находясь на обресе шлюза «Восхода-2» в разбухшем скафандре, подумал – Господи, помоги мне войти обратно! А ведь я атеист, и не робкого десятка вроде! Это заложено в нас где-то внутри. Хочется пристального внимания к тому, что ты делаешь. И если это дело правое, и Кто-то видит, что ты не смалодушничал, честно трудишься – можно тебе и чуть-чуть помочь.

Прожив долгую жизнь, я пришел к выводу: человек может верить. Если вера помогает ему жить и приносить пользу – окружающим, своей стране. Я периодически (каждый год на день шахтера) бываю в Кемерово, на своей родине, и по возможности посещаю Мариинск – сейчас на месте бывшего Сиблага построен мемориал памяти жертв политических репрессий. В Мариинских тюрьмах до революции побывали и Ленин и Сталин, а в 30-х годах сидел мой отец. До 1917 года эти тюрьмы выполняли функции так называемого полуэтапа, и там не было расстреляно ни одного человека, а за 1918–1953 годы, согласно документам, расстреляли две-сти тысяч. Страшное место! И там была поставлена памятная часовня. Вот в этой часовне я прочел строки стихотворения современного поэта-иеромонаха Романа, которые заставляют задуматься.

Без Бога нация – толпа,
Объединенная пороком,
Или слепа, или глупа,
Иль, что еще страшней, жестока.
И пусть на трон взойдет любой,
Глаголющий высоким слогом,
Толпа останется толпой,
Пока не обратится к Богу.

Сегодня мы видим в мире настоящую бесовщину. Она заводит людей в полную темноту. А потом приходится разбираться в том, что люди натворили, не ведая, что творят.

В свое время Фридрих Великий сказал, что он выиграл свои войны благодаря германскому учителю. Пока мы имеем таких учителей и такое отношение к учителям и вообще к школьному и внешкольному образованию, как сегодня, мы ничего не получим. Сегодня начались кое-какие подвижки со стороны властей, но, к сожалению, слишком робкие и непоследовательные на фоне того погрома образования, что произошел не только в эти десятилетия, но еще и в позднем СССР. Вспомните, «училка» – это ведь еще из Союза пришло. Ну а в постсоветское время эта деградация усугубилась позорной нищетой учительского корпуса. Причем нищетой не только материальной, но и духовной. Я как-то был в Самаре и встречался с учащимися одной из местных школ. Один школьник меня спросил: «Страшно вам было выходить в космос?» А я ему ответил вопросом на вопрос: «Как ты думаешь, а страшно было Матросову бросаться на амбразуру дота?» А у паренька в глазах недоумение: «А кто такой Матросов?» Я смотрю на учительниц, которые стоят рядом: «Как же вам не стыдно, что ваши ученики этого не знают?!»

Да что там... Сейчас на всю страну – всего пять планетариев. А ведь это воспитание молодежи, да и вообще любого человека! Жители города не видят звездного неба – одни раскрашенные рекламы, которые гасят нормальную жизнь. Никто уже не знает звездного неба, плюс в школе астрономию не преподают. А ведь это взгляд на мироздание. Надо вновь многое сделать, чтобы кликушество о сотворении мира за неделю не вошло в сознание каждого человека, чтобы понимали, что мы с вами – часть Вселенной.

В этой книге я буду говорить о том, что произошло в нашей стране за последние восемьдесят лет. Но в основном я расскажу о том, что происходило в самом передовом направлении – в космонавтике. Я это хорошо знаю. Хоть давно уже на пенсии, однако по ночам то и дело снится, что летаю: или на самолете, или на космическом корабле уношусь далеко-далеко в небо. И такая тоска охватывает...

Короче, мне есть, что сказать, и я думаю, что это будет интересно.

Глава первая

Листвянка – Кемерово – Калининград

Моя семья

Я не помню, был какой-то фильм об одном генерале, который происходил из цыганского табора, затишье перед боем в землянке, и он начинает повествование: когда я вспоминаю свое детство, я вижу нескончаемую длинную дорогу... Так вот, когда я вспоминаю свое детство, то у меня в глазах – нескончаемые перелески, березовые колки, так называются в Сибири, в лесостепной зоне, очаги березы. Помню речушку, которая шла по самой окраине города, а мы жили в последних домах, в бараках, их стояло несколько рядов для переселенцев, которые приехали в Сибирь еще до войны – строить Кемеровскую ГРЭС. Там прошло самое раннее детство.

Родился я 30 мая 1934 года в Западно-Сибирском крае – в селе Листвянка, что в двухстах километрах от Кемерово. Сюда сослали моего деда по материнской линии – Миная Яковлевича. Он был механиком управления паровыми котлами на мельнице Парамонова в Ростове, серьезным человеком, и в 1905 году он участвовал в революционных событиях, и его сослали в Сибирь.

Затем с Донбасса перебрались и родители (отец к тому времени отвоевал войну 1914–1917 годов и гражданскую войну, он был в дивизии латышских стрелков).

Мой отец, Леонов Архип Алексеевич, 1892 года рождения, был с Орловщины, на Донбассе работал шахтером. Мать, Леонова (урожденная Сотникова) Евдокия Минаевна, 1895 года рождения, работала учительницей. А еще у отца было шесть братьев.

Я был восьмым ребенком в семье, а если точно – десятым, двое умерли в младенческом возрасте. У меня было шесть сестер (Шура, Люба, Раиса, Нина, Надя и Антонина), а также брат Петр.

Арест отца

Счастливое детство закончилось в 1936 году, когда посадили отца.

Он отсидел два года – с 1936-го по 1938-й. И ведь посадили его без суда и следствия! Всю жизнь отец трудился не покладая рук. Построил добротный дом, завел крепкое хозяйство, поставил на ноги детей. Когда начали создавать колхозы, привел на центральную усадьбу села Листвянка четырех коров, столько же лошадей, пару свиней, двадцать пять овец... Короче, все, что имел. Верил в лозунги, которые произносились с трибун! Мама ругалась: «Другие порезали скотину и продали мясо на базаре, а ты в чужие руки отдал нажитое. И что ты получил? У девчонок платьев нет, а ты все сдал в колхоз». Но отец иначе не мог.

А потом случился конфликт с председателем колхоза. Отец закончил ветеринарный техникум, хорошо понимал животных, и он вывел жеребчика, которым очень гордился. Специально для климата Сибири. Во всяком случае, он так полагал. В отсутствие отца председатель пустил коня под нож, чтобы угостить приехавшего к нему брата кониной. Отец приехал из командировки (он был в Крапивинском районе, лошадей привозил), а ему сразу выложили:

– Архип, твоего лошака-то Пашка скормил своему брату...

– Как?

– Да, зарезал...

Отец схватил топор, сейчас пойду этого Пашку убью... Реакция в общем-то нормальная... Адекватного человека...

Женщины бросились: «Архип, ты с ума сошел!» Пашке доложили, и тот убежал, спрятавшись... И тут же состряпали дело: покушение на Советскую власть. Председатель колхоза, парторг и бухгалтер сели втроем и быстренько вынесли приговор. А что тянуть-то? Тогда лозунг был: «Не засорять дороги». Решительнее избавляться от классово чуждого элемента, значит...

Понятно, что ни до какого кровопролития дело не дошло, однако инцидент, порочащий репутацию председателя, произошел на глазах односельчан. Возмездие не заставило себя долго ждать. Вечером пришли в дом и арестовали отца.

Никто и не пытался разбираться. И – все, пошел отец по этапу. Его едва не пристрелили. Якобы при попытке к бегству. Тогда был придуман такой способ расправы с неугодными. Конвоиры подговаривали кого-нибудь из заключенных, и те по дороге на работу или после смены в лагерь силой выталкивали бедолагу из строя в договоренном месте. Не ожидавший подвоха человек оказывался на обочине. А охране хватало и секунды, чтобы открыть огонь на поражение. Подобный фокус хотели проделать с отцом, но добрые люди предупредили, и он был внутренне готов к нападению. Когда сосед по шеренге попытался толкнуть в бок, отец увернулся, и провокатор сам вылетел под красноармейскую пулю. Его и шлепнули...

Переезд в Кемерово

Мать осталась одна, а у нее семь детей: мне – два года, сестре Антонине – 6 лет, брату Петру – 8 лет, сестре Надежде – 12 лет, сестре Нине – 14 лет, сестре Раисе – 15 лет, сестре Любе – 17 лет. Старшей сестре Шуре было 20 лет, и она уже жила отдельно. А мама еще была в положении (мой младший брат Борис родился в 1937 году).

Глава семьи – «враг народа», а это значило, что отобрали все. Конфискация имущества, хотя суда, повторюсь, никакого не было. Когда в 1936 году отца арестовали, нас выгнали из родного дома, моих старших брата и сестер из школы отчислили. Они в районном центре учились (это сейчас город Тисуль), они домой пришли, не понимая вообще, что происходит. А мама, между прочим, работала учительницей. Ее мигом уволили. Потом соседям позволили разграбить имущество «врагов народа». Вот что творили земляки! Их ведь никто не заставлял, сами инициативу проявляли. С меня, малыша, штаны сняли, в одной рубашке оставили, а на дворе – зима...

А ведь родители мои с соседями хорошо жили: мать учительствовала, отец всем вокруг помогал...

Потом, уже став космонавтом, я приезжал в Листвянку. На встречу собрались люди. Так сказать, посмотреть на московскую знаменитость. А я возьми да спроси: «Бабоньки, признавайтесь, кто с меня тогда портки-то стянул?» Стояли, молчали, глаза вниз опустили...

И бюст, как дважды Герою Советского Союза, потом поставили не на моей малой родине, а в Кемерово, где я в школу пошел. Думаю, это правильно, справедливо.

Конечно, в Листвянке мы жить не остались, уехали в Кемерово. Нас спасли, забрав к себе, старшая сестра Шура и ее муж Антон Платонович Ходанович. Он приехал из Белоруссии, учился в энергетическом техникуме и работал на параконке, возил грузы, самосвалов тогда не было.

Мы выжили благодаря им. Они на строительстве Кемеровской ГРЭС познакомились (Антон приехал из Могилева) и к тому времени два месяца как поженились. Руководство комнату молодым выделило, и зять маме письмо прислал: «Приезжайте! Будем жить вместе. Мы вас не оставим, все обойдется, разберутся, все будет хорошо». До сих пор адрес помню: улица Интернациональная, дом 15. На шестнадцати квадратных метрах в бараке одиннадцать человек разместились. В углу стояла голландская печка, которая занимала метра три квадратных. Кому расскажешь теперь – не верят. У меня штатное место под кроватью было.

Антону тогда 23 года было. На самом деле, это героизм. Простой парень из Могилева, молодая жена, шестнадцатиметровая комната... И вот он нас привез к себе. Я точно могу сказать, я бы так не смог – к себе тещу беременную притащить и еще восемь чужих детей... Настоящий героизм!

Возвращение отца

В 1939 году отца оправдали. Произошло это так. В Сиблаге начался падеж скота. Отец, поскольку он в этом деле соображал, применил свой способ – мешал селитру, жженный древесный уголь, еще что-то... Короче, спас поголовье скота. Начальство это заметило, затребовало личное дело, и оно попало на глаза человеку по фамилии Лудзиш. Он служил с отцом в дивизии красных латышских стрелков. Лудзиш увидел приговор и за голову схватился:

– Архип Леонов – враг народа?! Да вы с ума посходили!

Отца освободили и даже предложили должность управляющего хозяйственными делами Сиблага. Вчерашнему зэку! Но отец отказался. Не хотел он больше сотрудничать с этой властью, напрочь отшибло желание, разуверился...

Этот самый Лудзиш был заместителем председателя райисполкома, и это он научил, как написать кассационную жалобу. А отец был зоотехником, окончил все-таки какое-то зоотехническое заведение в Ужуре. Грамотный был человек, но не юрист...

И отец немедленно уехал к нам в Кемерово. Приехал уже реабилитированный. Я потом даже в биографии не писал, что отец был репрессирован, поскольку было все снято. А к тому времени мой младший брат родился. Я помню, как и у старшей сестры тоже в 1937 году девочка родилась. Одновременно практически, разница небольшая, около месяца. И я помню, как лежали эти два ребенка на кровати, дергались, и мне было непонятно, почему у одного такая штука, у другого – другая. Мне было четыре года. И это я хорошо помню.

Помню также, как мы со старшим братом Петром на рыбалку ходили. В глазах до сих пор – песчаная отмель, а рыба в тени... Лежат пескари на песке... Конечно, крючок, кусочек хлеба...

Вообще, самостоятельность во мне проявилась рано. Барак наш стоял на окраине города. А за городом – перелески березовые, иногда с примесью осины. Долина Кузнецкого Алатау... Река Томь... С одной стороны – горы, с другой – город Кемерово, в низине. Помню мы с отцом идем через колку, и вдруг – раз. Вылетает из зарослей птичка. Не овсянка, но что-то такое... Серенькая. Я подкрался к кустику, откуда она вылетела. А там гнездо и яички – красивые, голубенькие, с рыжими крапинками. Отец очень строго предупредил:

– Не надо, не надо! Не трогай!

А дело уже к вечеру. Я посмотрел вокруг и спрашиваю:

– Папа, а птичка в гнезде ночует?

– Да кто ж ее знает...

И вот когда все легли спать, в двенадцать часов ночи, я встал, снял крючок с двери и вышел из дому. Прошел огороды, речку – по бревну. И дальше – по тропинке надо было километр пройти среди кустов. Они меня цепляли, страшно было. Зашел в ту березовую рощицу. Крадусь, подхожу, и она вылетает. Птичка – из гнезда! После этого – бегом домой. Через кусты... Страшно, мокро, царапает меня все... Прибежал домой – и под одеяло, под фуфайку... И быстро заснул, правда, перед этим долго дрожал.

А на другой день говорю отцу:

– А птичка в гнезде ночует!

Он на меня так посмотрел – молодец. И больше ничего не сказал. Когда у меня воявился внук, я представил: чтобы в полночь пятилетний ребенок вышел в лес – я бы с ума сошел! Но раньше все иначе было. Жизнь такая, она формировала самостоятельное мышление, характер, волю.

Началась у нас жизнь в Кемерово уже с отцом, вышел указ о помощи многодетным семьям. А у меня тогда уже младший брат Борис родился, в 1940 году – еще девочка, нам выдали две комнаты в бараке. Мы объединили две комнаты, дверь прорубили, и в этом про-

мышленном районе мы стали самой богатой семьей. У нас было целых две комнаты! Да, на двенадцать человек, но при этом у нас еще были динамик, репродуктор черный и мясорубка. Когда что-то делали, то приходили соседи – дайте покрутить...

Мясорубка – это целая история. Тогда говорили – сходи к тем, у которых мясорубка. В 1965 году, когда объявили о моем полете в космос, соседи передавали новость: слышали... Ленка? В космос полетел? Какой? Да из тех, у которых мясорубка-то была! Одна мясорубка была на район.

Отец устроился на работу в «Запсибэлектромонтаж», там стал работать экспедитором. Тогда не было никаких машин. Был гужевой транспорт. У отца лошадь была, которую он использовал, возил что-то, получал...

А еще у нас в 1940 году родилась девочка, назвали ее Вера. В шесть месяцев она уже сидела, я помню, как она ко мне ручки тянула всегда, хотя мне было всего шесть лет. И я ее таскал. И вдруг она заболела – дифтерит. Тогда не умели спасать, и девочка умерла... Государство выделило нам помощь, как многодетной семье, и мать была награждена орденом Материнской Славы первой степени. Там какие-то льготы были предусмотрены, но главное – нам одежду какую-то купили, а то ведь ничего же не было. Нет, не это главное... Главное – нам сделали две комнаты по восемнадцать метров! Когда их объединили одной дверью, получилась просто роскошная квартира.

Война

Помню день 22 июня, когда война началась, семья и соседи собрались в нашей комнате, человек двенадцать-пятнадцать... Все сидели, слушали. Тогда еще никого не брали из нашего барака. В нем 22 комнаты было, а в сентябре 1941 года вдруг сразу всех забрали. Всех, кроме отца и Антона Платоновича. Отцу было уже 49 лет. Антон Платонович тогда был специалистом по энергопускам на ГРЭС. Ему было лет тридцать пять примерно, и его не брали на фронт. Бронь была. Мы все сводки слушали. Кто-то говорил, что мы победим, но больше все плакали. И вдруг в один день всех, почти всех, забрали на фронт. И остался дядя Максим Шуканов – был такой могучий дядька, плотник хороший. Остался дядя Максим Бродников. А с войны вернулся только один человек. Коля Дьячков, контуженный, не разговаривал, рука болталась. Он вернулся в 1945 году...

То есть все мужики из барака погибли. Они были в составе сибирских дивизий. Эти дивизии участвовали в разгроме немцев под Москвой – наши соседи по бараку обеспечили победу, да только там и остались.

Муж моей второй сестры Любы ушел сразу, еще даже в Финскую войну. А всего у меня было шесть дядей по линии отца, и все шестеро погибли. Много похоронок семья получила. И муж Любы тоже не вернулся. Он был на Финском фронте, в разведке... Потом показали, когда сестру вызвали в военкомат, фотографии – финны его расстреляли в 1940 году. Подтверждено было, что он героически погиб.

Очень хорошо помню 1943 год, когда под Сталинградом шла битва. Собрали нас в школе, все объяснили. И родителям сказали, расскажите, что немцы попали в кольцо, двадцать две дивизии у них там, и советская армия их громит. Я тогда сделал газету «Советская армия», нарисовал солдата уже в погонах (их вернули как раз в 43-м году).

19-ю школу превратили в госпиталь. Это рядом, километра три-четыре от нас, мы туда ходили, потому что интересно было, как рассказывали эти солдатики. А им интересно было с нами общаться. С поезда разгружали раненых на носилках, мы на все это смотрели. Десятками их несли, а потом везли в эту самую 19-ю школу.

Где-то в 1943 году в Кемерово привезли пленных немцев. Там на реке, севернее города, есть два острова, и на этих островах были бараки для пленных немцев. А мы, мальчишки, в этом месте пасли коров. И вот мы приходили к немцам этим, а они к нам относились, как к детям, ведь у них же тоже были дети. Мы были доброжелательные, даже приходили им крохи хлеба, картошку приносили. Немцев убрали, в 1945 году в это место, а его, собственно, никто и не охранял, поселили японцев. Они жили в бараках на островах после того, как их армия капитулировала. Мы этого ничего не понимали – почему то немцы, то японцы... И к ним мы тоже приходили, и японцы каждый раз делали нам журавликов. Я тогда первый раз увидел эти журавлики, мы приносили японцам кусочки хлеба. Это было так трогательно, они плакали...

Через много лет я находился в Токио и пошел там на знаменитый рыбный рынок, где можно увидеть всякую экзотику. Нигде в мире, пожалуй, такого нет. Идет буйная торговля. Там я видел десятки тунцов весом по двести килограммов... Различные моллюски... И там я увидел возле рынка такие небольшие отнорочки, где готовят рыбу. Ну, мы разговариваем громко на русском языке и вдруг нам тоже на русском языке:

– Эй там, заходи сюда!

Конечно, мы зашли, и задали вопрос японцу: откуда ты так хорошо знаешь русский язык?

– О, я был в плен...

– Где был в плену?

– В России.

– В каком месте?

– Сибиря...

У меня начало шевелиться что-то: а где, в каком месте?

– В Кемерово. На островах мы были, на островах.

– А к вам приходили дети? Русские дети?

– Приходили, приходили, хлеба давали...

– Так вот я тот мальчик, который к вам приходил. Вы мне делали журавликов.

– Делали, делали журавлики. Очень хорошо, вы были хорошие люди, было нечего есть, а вы нам давали последнее... Я никогда не забуду, я рассказываю своим детям, внукам, какие вы, русские дети, хорошие. Садитесь я хочу вас угостить.

И мы сели у него за небольшой столик, он начал для нас готовить свою рыбу. Налил по стопке sake. Очень вкусно было. На вопрос, сколько стоит, ответил:

– Ничего, нисколько не стоит, это ничего не стоит. Потому что вы такие богатые душой, это ничего не стоит.

Вот такая была встреча, которую я постоянно рассказываю, чтобы современные люди понимали суть русской души. Во время войны были пленные немцы, и наши женщины приносили им поесть и при этом говорили: «На тебе, немчик».

Удивительный у нас народ... Удивительный! И он достоин, конечно, хорошей жизни, достоин, чтобы о нем, о его душевных качествах знали и друзья и враги...

Во время войны моя старшая сестра уже работала. Потом еще две сестры пошли работать. Сразу пошли. Сестра Раиса (она умерла в 2008 году) работала на комбинате военпредом – военным представителем. Она работала на приемке. А Люба работала в отделе снабжения комбината, 92-го комбината. А я что? Детство есть детство. Просто мы раньше тогда почувствовали, что твоя жизнь зависит от тебя самого, от того, как ты выживешь. Нам хлеба давали минимум... Сколько на человека? По-моему, 400 г хлеба, рыбная карточка, крупяная, мясная карточка. Это на день. До 1947-го года была карточная система. В магазин приходишь – получаешь хлеб по карточке. А карточки на заводах давали. А чтобы еще раздобыть еды, во время войны мы, мальчишки, выходили группой в пять-шесть человек в тайгу, и мы там жили два-три дня, стреляли из рогаток, копали... Я до сих пор знаю – какая трава, как надо ее есть... Вот медуница, там дальше шкирда, пучка, саранка... Мы это все собирали. На птиц охотились. Например, дрозд – это сто граммов хорошего мяса. Перепелка – еще вкуснее. На заводе делали 10-мм проволоку, мы ее резали и делали пульки. А еще лучше – это использованные шарикоподшипники. Мы их разбирали и брали шарики. Рогатка и такие шарики – это оружие страшное. А мама дома готовила еду на всех. У матери ужин был – такая большая кастрюля ведерная и сковородка чугунная килограммов на пять.

В первый раз в первый класс

Со школой тогда четко было – только с восьми лет, а мне так хотелось в школу, но жди еще год. Жду. И вот 1943 год, первый класс, меня ведут, а в Сибири так – с 20 августа уже иней на улице, выходишь – все серебром покрыто. Днем +26 °С, а ночью -5 °С.

Тротуары были сделаны из досок, широкие. А доски такие – они, когда сохнут, задираются... У меня полностью пальцы были все сбиты на ногах, ведь я ходил босиком. И вот я 1 сентября, заранее меня мама ведет... Я – босиком... Идем, а мама кого ни встретит, всем говорит:

– Вот, предпоследнего веду. Еще есть, а это предпоследний – в школу хочет идти.

Пришли в школу. Стоим, первоклашки, человек шесть, как я все босиком, Галина Алексеевна (на всю жизнь запомнил, завуч) произносит длинную речь и очень пафосно заканчивает:

– А теперь, дети, давайте скажем спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство.

И мы кричим: «Спасибо, спасибо, спасибо!» И разошлись. А через неделю мне туфли дали, правда девичьи, с петелечкой и с пуговицей розовой, а сами они темно-коричневые, как шоколад. А как пахли! Просто удивительно! До сих пор ощущаю запах этой кожи...

А через неделю – футбол, подошва оторвалась. Я домой боюсь идти. Что делать? Пришел уже ночью. А отец в шесть утра уже уходил на работу, тогда работали по четырнадцать часов в сутки. Утром встаю, а туфель подбит. Думаю: «Ну, слава тебе Господи, мать его уговорила, ты его не наказывай...» Я так переживал, уже и в футбол стал играть босиком, чтобы туфли не порвать.

Первый урок, преподаватель Клавдия Васильевна (она была эвакуированная, и ее сын учился в третьем классе) обращается:

– Ну, дети, вы, наверно, отдыхали. Вот что-нибудь нарисуйте, что вам летом понравилось.

Я взял и нарисовал белый гриб, рядом с ним маленький гриб сбоку и две травинки, от большого гриба тень на маленьком. Она подходит:

– Это ты нарисовал?

Я даже не понял вопрос, а она вдруг схватила этот листик и убежала. Приходит в учительскую: «Посмотрите, ребенку восемь лет, посмотрите, что он сделал, это же законченная композиция!»

Она приходит: «Да ты же у нас художник!» И с третьего класса я уже был редактором школьной газеты, и всю жизнь я потом что-то редактировал, мне даже жена потом досталась редактор.

А школа у нас была начальная, четырехлетка. И все равно своя газета была. И был у нас Дворец культуры, при нем была изостудия, куда я ходил. На первый конкурс, в котором я участвовал, я нарисовал Петра Первого на лошади. Карандашный рисунок. И за это я получил какие-то похвальные слова.

Художник или летчик

У меня дома где только что ни висело. Я еще читать не умел, сестры мне читали про капитана Немо, и я проиллюстрировал полностью все, как это происходило, и у меня дома на гвоздиках кругом висели картинки. Они снимают, а я рисую опять и вешаю.

Я рисовал везде, много копировал, меня даже стали приглашать расписывать печки. Рисовал цветы: в основном – маки, колокольчики, использовал кусочки акварели. А когда я был в третьем классе, стал рисовать настенные ковры, отец мне помогал натягивать простыни на подрамник. Это были четыре сбитые доски. Я простыню помазком загрунтовывал, брал деревянный клей, немножечко мела, олифы, все это смешивал, и по этому грунту рисовал. То есть это был не настоящий ковер, а нарисованный. Потом я делал петли, чтобы этот ковер на петлях вешать. Дело в том, что тогда стены в бараках красили известью. И чтобы не пачкать кровати, а они всегда стояли у стены, использовались такие вот ковры. Это же только в приличных домах висели настоящие настенные ковры, а у остальных ковров как таковых не было, и их рисовали: вот – барышня с лошастью, а вот тут – лебеди плавают...

Я рисовал пейзажи, горы, оленей, и слава обо мне полетела, начали заказывать. Такой «ковер» стоил две буханки хлеба, и я этот хлеб заработанный домой приносил, а краски отец доставлял с завода в баночках. Хозяйственные, конечно... Там белила были, вместо черной краски «Кузбасслак» был, хозяйственная зеленая, охра... Я все это мешал, делал так, чтобы хоть какая-то цветовая гамма была.

А еще мои таланты оценили дворовые мальчишки, и мне доверили наносить контуры будущих татуировок. Кто хотел наколоть орла, герб или батальную сцену, обращался ко мне – эти рисунки мне особенно удавались. Но в глубине души я относился к татуировке очень брезгливо, на своем теле никаких художеств делать не позволил. Только зачем-то точку на запястье поставил.

Все у меня получалось, учиться, правда, некогда было, а так все нормально. И при этом я еще коров пас. А еще, особенно в 1946 году, когда есть было совсем нечего, мы с матерью ходили по полям и собирали прошлогоднюю картошку, которая там осталась.

1946 год очень голодный был. Из школы прихожу, и мы с матерью идем в поле, собирать прошлогоднюю гнилую картошку. Я заметил одну особенность. Там, где осталась картошка, образуется шишечка. Я подхожу и говорю: «Мам, на счастье рябых кур». Это у меня было такое детское заклинание. Раз, поднимаю – картошка. А мама жалуется, что у нее ничего нет. Я говорю: вот здесь копай и повторяй – «На счастье рябых кур». Раз, и она достает картошку. И так мы набирали целое ведро гнилой картошки. Мама ее мыла, перетирала на мясорубке, добавляла туда хлеба и делала блинчики. Или специальные блинные оладушки. Они назывались «сталинцы». Очень были вкусные. Безумно вкусные!

В школе я пошел заниматься в кружок изобразительных искусств при Дворце пионеров, мне так это нравилось. А недалеко была школа переподготовки летчиков-истребителей, и я видел, как они там «кувыркались». Но не это меня тронуло. Когда я увидел фильм «Истребители», где Марк Бернес исполнял главную роль... Эх! Я несколько раз смотрел этот фильм... Рядом был клуб строителей, я проходил любыми путями, буквально проползал в зал.

А еще, я помню, к нам в барак приехал летчик – френч, португез, сапоги, брюки-галифе. И я все время за ним следил. Я за ним просто бегал, пока он меня не заметил и не сказал:

– Ты чё, малец?

– Хочу быть таким, как вы...

– Так в чем же дело? Расти. В школе учись. И еще надо умыться.

Когда появилась «Повесть о настоящем человеке», я перечитывал ее много раз, особенно описания воздушных боев, они там так были описаны, что я просто бредил всем этим. У меня

было столько моделей сделано! Все самолеты, которые у нас имелись, сделаны были. Они все были из дерева – целый самолетный парк. И танк у меня был, который тарахтел по-настоящему: я прорезал в гусенице отверстие, пробивал пятак насквозь, пришивал все шурупами, и это громыхало, как настоящий танк.

Мама очень уставала. Однажды я делал биплан По-2 – она прилегла днем отдохнуть, а я все колочу. Она просит: «Прекрати сейчас же». А я все продолжал, и тогда она встала, схватила мой По-2 и выбросила в окно. Крылья поломала. Я рыдал, и ушел ночевать в сарай. Отец меня нашел, поддал пинка, но я на всю жизнь запомнил, как мама сломала мой самолет.

А во втором классе пришел учиться к нам эвакуированный мальчик, Лева Попов, у него много вещей интересных было, и он мне показал только что напечатанную книжку «Айвазовский», я уже интересовался этим художником. Мне очень хотелось иметь эту книгу, я стал уговаривать продать мне ее. Он наотрез отказался. Но потом поставил свои условия: отдам за месячную пайку (нам давали на большой перемене 50 граммов хлеба и ложечку сахара). Так мы сговорились. Ничего, жри, подавись этим хлебом, зато у меня теперь Айвазовский!

Он пошел дальше – показывает мне коробочку акварельных красок, их никто не выпускал, довоенные еще. Опять месячную пайку хлеба пришлось отдать за эту коробку использованных наполовину красок. Вот ими-то я и расписывал потом печки.

Еще месяц я ничего не ел, все отдавал ему. Ладно, думаю, последний раз. А он мне показывает значок – это был зеркальный Ленин! И мне так хотелось этот значок иметь, и я опять «залетел» на месячную пайку хлеба.

И носил я всегда значок Ленина на левом лацкане. Потом уже у него резьба стерлась, так я проволочку подсовывал, как-то прикреплял. Уж очень хороший значок был!

Переезд в Калининград

В 1946 году моя сестра Люба была направлена с супругом в Калининград (тогда еще Кёнигсберг) – на восстановление вагоностроительного завода. Осмотрелись, обжились в «неметчине». А через два года и всех остальных к себе позвали. Нет, обещанного вербовщиками рая они там не увидели. Тем не менее в чужой Пруссии условия оказались лучше, чем в родных местах. Все-таки в Сибири жестковат климат, да и сразу отдельный домик дали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.